

© 1998 г.

NILI ANCYRANI NARRATIO DE CAEDE MONACHORUM IN MONTE SINA

НИЛА МОНАШЕСТВУЮЩЕГО ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ МОНАХОВ НА ГОРЕ СИНАЙСКОЙ И О ПЛЕНЕНИИ ФЕОДУЛА, СЫНА ЕГО

Перевод с древнегреческого, вступительная статья
и комментарии *Д.Е. Афиногенова*

Произведение Нила Синаита, перевод которого на современный русский язык впервые предлагается вниманию отечественного читателя, имело поистине удивительную судьбу в науке Нового времени. Едва ли не каждый аспект его формы и содержания уже с конца прошлого века становился предметом самых яростных споров. При этом все участники упомянутых дискуссий пользовались одним-единственным существовавшим тогда изданием Поссина¹ (перепечатанным в Патрологии Миня²), прекрасно зная о его совершенной неадекватности. Как ни парадоксально, первое критическое издание этого небольшого по размерам памятника появилось лишь в 1983 г.³ Вот только один пример того, как некачественный текст может осложнить исследовательскую задачу. В 1924 г. Ф.М. Абель опубликовал заметку, где на базе одного разночтения, приводимого у Миня, высказал предположение, что в «Повести» упоминается населенный пункт Сбаита в пустыне Негев⁴ (в основном тексте у Поссина стояло «Сука»). Между тем, заглянув в критический аппарат издания Конки (с. 49, 20), можно обнаружить, что чтение Σουκῆ имеется только в одной рукописи, тогда как три кодекса дают вполне четкое Σβαίτα, т.е. факт упоминания Сбаиты даже не требует отдельных доказательств.

Невзирая на отсутствие надежного текста, дебаты вокруг «Повести» продолжались в течение нескольких десятилетий. Концентрировались они в основном вокруг следующих трех проблем: авторство, жанровая природа (и связанный с ней вопрос о доле художественного вымысла), историческая достоверность сообщаемых Нилом многочисленных этнографических подробностей о кочевниках-бедуинах.

¹ Nili opera quaedam nondum edita / Ed. P. Possinus. P., 1639.

² Migne J.P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. T. 79. P., 1865. Col. 589–694.

³ Nilus Ancyranus. Narratio de caede monachorum in monte Sina / Ed. F. Conca. Lipsiae, 1983 (Bibliotheca Teubneriana). По этому изданию выполнен настоящий перевод.

⁴ Abel F.M. Une mention byzantine de Sbaïta // Byzantion. 1924. 1. P. 51–58.

Начнем с авторства. Среди творений православных отцов Церкви почетное место принадлежит письмам и трактатам преп. Нила Анкирского (ум. около 430 г.), в которых трактуются различные вопросы христианской этики и монашеской жизни. В то же время «Повесть об избииении монахов на горе Синайской» во всех без исключения кодексах приписана «Нилу монашествующему», которого уже в византийское время прочно отождествляли с Нилом Анкирским. Впервые это отождествление было поставлено под сомнение К. Хойсси в 1917 г.⁵ Выводы его, основанные главным образом на сравнении литературного стиля «Повести» и произведений, бесспорно принадлежащих преп. Нилу, были восприняты с несколько поспешным энтузиазмом, и тезис о неподлинности нашего памятника (или о нетождественности Нила Синаита Нилу Анкирскому) попал практически во все общие руководства и справочники по патристике⁶. Соответственно пострадала и оценка «Повести» как исторического источника (об этом несколько ниже). Сравнительно недавно, однако, доводы скептиков были подвергнуты развернутой и аргументированной критике⁷. Ф. Конка, подготовивший новое издание текста, на мой взгляд, вполне убедительно доказывает, что как раз в области стиля между посланиями и трактатами Нила Анкирского, с одной стороны, и «Повестью», с другой, наблюдается множество параллелей⁸, а имеющиеся расхождения не настолько велики, чтобы их нельзя было объяснить различными жанровыми установками. Поскольку данные рукописной традиции совершенно однозначны, *opus probandi* в результате вновь оказался на тех, кто отрицает принадлежность «Повести» Нилу Анкирскому. Никаких новых аргументов они, насколько мне известно, пока не выдвинули, а это значит, что памятник можно считать творением преп. Нила.

Относительно жанровой природы «Повести» существует некоторая путаница. Дело в том, что чисто функционально это произведение принадлежит агиографии, поскольку оно включалось в состав мийей и использовалось в литургической практике при поминовении преподобных отцов – жертв арабского набега. Однако уже в прошлом веке было замечено разительное сходство сочинения Нила с памятниками совсем иного жанра – эллинистического романа⁹. Путаница же возникла из-за того, что исследователи исходили из следующей предпосылки: если «Повесть» – это житийное произведение, то ему можно верить, а если роман – то нельзя. К примеру, В. Христидис¹⁰ обосновывает высокую историческую ценность повести тем, что она писалась для синайских монахов, а потому не могла содержать, очевидно, неверных сведений о том же самом регионе. С другой стороны, известно, что для эллинистического романа весьма характерны фантастические описания разных экзотических обычаев и неведомых народов (самый яркий пример – «Эфиопика» Гелиодора). На самом деле одно не имеет прямого отношения к другому – к какому бы жанру ни относилась «Повесть», ее реалистичность от этого не зависит. В отличие от Христидиса и многих других я полагаю, что в данном случае речь идет не об «агиографическом романе» или «новелле». Единственный признак жития или житийной повести в анализируемом памятнике – это точная дата смерти синайских отцов¹¹ (календарная фиксация необходима для установления культа). Чтобы уяснить принципиальную неагиографичность «Повести об избииении монахов», достаточно внимательно рассмотреть описание монашеской жизни на Синае (гл. 3). Как можно заметить, оно совершенно имперсонально – при наличии нескольких альтернатив (например, одни выращивают хлеб, а другие питаются только дикорастущими растениями) нет никакого специального указания, каким именно образом подвизались погибшие иноки. Только в качестве переходной ремарки говорится: «Но на них, пребывающих в таком расположении и так служащих Божеству, внезапно, как неожиданная буря, откуда-то налетело варварское полчище» (с. 20,

⁵ Heussi K. Untersuchungen zu Nilus dem Asketen. Lpz, 1917 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, 42.2).

⁶ См., например, *Quasten J. Patrology. V. III. Utrecht, 1960. P. 496 f.*; *Altaner B., Stuiber A. Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg–Basel–Wien, 1978. S. 334.*

⁷ *Ringshausen H. Zur Verfässherschaft und Chronologie der dem Nilus Ancyranus zugeschriebenen Werke: Inaugural-Dissertation. Frankfurt am Main, 1967.*

⁸ *Conca F. Osservazioni sullo stile di Nilo Ancirano // JÖB. 32, II/3. P. 217–225.*

⁹ Новейшая работа на эту тему: *Conca F. Le Narrationes di Nilo e il romanzo greco // Atti del IV Congresso Nazionale di Studi Bizantini. Lecce, 1983. P. 343–354.*

¹⁰ *Christides V. Once again the «Narrations» of Nilus Sinaiticus // Byzantion. 1973. 43. P. 39–50.*

¹¹ *Nilus Ancyranus. Narratio. P. 26, 9–10.*

3–4). Более того, сам рассказ об убийстве монахов есть лишь один из эпизодов в развитии основного сюжета чисто романного типа – о разлуке и воссоединении Нила и его сына Феодула. Полагать, что преп. Нил написал именно такое сочинение с целью прославить погибших собратьев, означало бы подозревать его в гипертрофированном эгоцентризме. Поэтому, как мне представляется, перед нами не что иное, как роман, который впоследствии в силу некоторых особенностей своего содержания стал выполнять несвойственные ему первоначально агиографические функции. Этим можно объяснить и отсутствие какого бы то ни было вступления и заключения и даже заключительного словословия (типа «...Ему же слава, честь и поклонение... во веки веков, аминь»).

Следует ли отсюда, что за рассказом Нила не стоит никакой исторической реальности? Разумеется, нет. Даже наиболее скептически настроенные ученые признавали, что автор «Повести» прекрасно разбирается в топографии Синай и юга Палестины. Сомнения в своей достоверности вызывала прежде всего обильная и детальная информация об обычаях кочевых арабских племен и о политической ситуации в тех областях, где происходит действие. Интересно, однако, что даже при чтении весьма подробной статьи одного из главных скептиков, И. Хеннингера¹², возникает впечатление, что очень многие из сообщений Нила находят подтверждения в других источниках, хотя автор работы пытается доказать обратное. Твердым сторонником исторической достоверности «Повести» является крупнейший современный специалист по византийско-арабской проблематике И. Шахид¹³.

Совсем другое дело – автобиографичность сочинения Нила. Действительно ли все это происходило с ним и его сыном Феодулом? На этот вопрос, по-видимому, определенного ответа дать невозможно. «Повесть» примерно с одинаковой вероятностью может оказаться автобиографическим повествованием, чистой беллетристикой или чем-то смешанным. Узнать это точно мы сможем лишь в том случае, если где-нибудь вдруг обнаружится, например, Житие Нила Анкирского. Пока же каждый вправе иметь на сей счет личное мнение, и не более.

Основной целью перевода было по возможности донести до русского читателя изысканную риторическую отделку оригинала, т.е. литературные задачи в данном случае превалировали над историческими. Некоторыми оттенками все же пришлось пожертвовать. Так, хотя весьма вероятно, что Нил сознательно пользовался аллитерациями, я не стал пытаться передать их в русском тексте, поскольку нет полной уверенности, что эффект получился бы таким же, на какой рассчитывал автор. Надеюсь, тем не менее, что найдутся читатели, которые по достоинству оценят этот маленький шедевр позднеантичной прозы.

* * *

1

Скитаясь после набега варваров, я пришел в Фаран¹ и услышал, как какие-то проходящие мимо люди превозносят отшельническую жизнь и, обращая друг к другу, слагают ей многие хвалы, что, мол, она исполнена тишины и свободна от всякой смуты, и спокойствием укрепляет устройство души, размышляющей над видимыми вещами и через них восходящей тем путем, который приближает к познанию Бога, что все мудрецы от века единодушно почитают высшей целью и совершенным блаженством. И когда я, неотрывно воззрившись на них полными слез глазами, застонал с величайшей мукой (ибо я сидел совершенно ошеломленный случившимися бедствиями, и лицо мое еще ясно говорило о моем несчастье), они, видимо, желая побеседовать со мной, свернули с дороги и сели по обе стороны от меня. И после того как, подождав немного, они увидели, что я молчу и стенаю, они одновременно и настойчиво, и сострадательно спросили о причине моего смятения.

И поскольку я в ответ застонал с еще большей болью – ибо вопрос снова пробудил к страданию легка успокоившуюся память, и рассказ о событиях опять заставил мысль видеть случившееся будто воочию, запечатлев в разуме то, что опыт передал чувствам, – они сказали: «Удружило ли тебя нечто ложное из сказанного нами, о старче, и ты сидишь и

¹² Henninger J. Ist der sogenannte Nilus-Bericht eine brauchbare religionsgeschichtliche Quelle? // *Anthropos*. 1955. 50. S. 82–148.

¹³ См. *Shahîd I. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century*. Washington, 1989. P. 134 f.

¹ Оазис на юго-западе Синайского полуострова (совр. Фейран), к югу от Раифу, населенный главным образом оседлыми арабами. По преданию, жители его были обращены в христианство в середине IV в. монахом Моисеем, местным уроженцем.

оплакиваешь заблуждение в наших взглядах, или же ты претерпеваешь некое страдание, родственное тому, о чем мы говорили, и о нем-то и скорбишь, втайне язвимый воспоминаниями? Ибо не о малом мучении вопиет сокрушение опустошающей тебя изнутри скорби, о чем свидетельствуют твои слезы». Тогда только побуждение этих мужей разрешило мой скванный язык, и я произнес: «Что же, на что мне отвечать, если туча уныния не позволяет ясно разглядеть суждение об истине? Я того же мнения, что и вы, и, зная пользу пустынножителства, очень им восхищаюсь, так что это вынудило меня, покоренного влечением к нему, оставить все – дом, родину, друзей, родных, близких, имущество. Но оно же погубило самого дорогого мне человека и оставило меня, как вы видите, в одиночестве, лишенным всякого утешения, и восхвалять пустыню не позволяет страдание, потому что случившаяся беда победила владевшую мной страсть. Ибо когда одна страсть одолевает другую, она совсем ничего не оставляет побежденной, обязательно желая властвовать всецело и отвергая ту как враждебную, если она призывает к совместному существованию».

Но что за недомыслие! Я пустился в рассуждения, оставив плач о сыне, и мысли мои, прежде не позволявшие думать ни о чем, кроме убийства Феодула, нашли отвлечение. Ибо этот образ постоянно пребывает со мной, рисуя в воображении его гибель в многообразных способах умерщвления, то в одном, то в другом, и мне чудится, будто я слышу, как он кричит от боли, и вижу его падающим наземь от удара. Я представляю в уме то, что, вероятно, увидел бы своими глазами, если бы присутствовал при этом. Увы, бедное дитя, жив ты или умер: о, горькое рабство, если ты избежал смерти; о, могила без погребения, если поразили тебя варварский меч. Горевать ли мне о твоём рабстве, плакать ли о твоей гибели? Ведь если ты стал рабом, чего не позволяет думать вероятность (ибо когда это варварская десница не бывает скорой на убийство, прислуживая нраву, вечно жаждущему человеческой крови?), что тогда с тобою? Конечно, ежедневные избиения, безжалостные приказы, неумолимые угрозы, звериная и кровавая жизнь, тяжелейшая работа, превышающая твои силы, стража, от которой не убежишь, никакой надежды на свободу, каждодневный страх смерти, меч [всегда] рядом: ибо именно им варвары привыкли измерять свою досаду, не привыкши бить ремнем или розгами, но зная одно наказание для больших и малых проступков – смерть, тем более что у них в обычае легко играть чужой погибелью даже без всякого прегрешения, то ли в пьяном буйстве, то ли повинувшись беспричинному порыву. Если же ты умер, где приняло смертельный удар твоё тело? Откуда излился поток твоей крови? Как бился ты в судорогах по окровавленной земле, пока несчастные твои ноги танцевали предсмертную пляску? Как умолял ты убивавшего тебя варвара, жалостными жестами желая смягчить его жестокость? Ведь речи друг друга вы не понимали – речи, которая, придавая просьбе стройную соразмерность, склоняет к милости разгневанную душу. Что за место приняло твой труп? Какие звери растерзали твои члены? Какие птицы насытились твоей плотью? Какое светило, взойдя, увидело сокрытое в твоём чреве, воочию созерцающее исторгнутые внутренности? Что сохранилось после диких звериных клыков – то, что оставило пресыщенные, или что по твердости оказалось несъедобным и теперь лежит под открытым небом, не удостоившись надлежащего погребения из-за безлюдья? Если бы кто-то принес и отдал мне останки или привел и поставил перед ними, я бы имел хотя бы малое утешение в моем страдании, разговаривая с сохранившейся частью тела как с живой и чувствующей, будь то кость, плоть или волосы. Ибо у тех, кто менее несчастен в постигших их бедствиях, есть великая улада в горе, и они поистине наслаждаются этой второй роскошью, долгое время ухаживая за болеющими близкими и за этот срок насыщаясь созерцанием, сидя рядом с умирающими и слушая их последние слова, провожая их в погребальном шествии и видя, как налагают на могилу последнюю печать, – потому что все это – проводы и похороны, и сочувствие друзей – приносит скорбящему многое и изрядное утешение, облегчая уныние. А я чем из этого смягчу свое страдание, если и образа смерти не знаю, и облик умершего, каков он был при кончине, не запечатлел в представлении. Ибо обличья тех, чьи черты не были переданы памяти зрением, неустойчивы и неопределенны, всякий раз запечатлеваясь по-иному и мучая обманутый разум переменной образов.

О неизвестность бед, о неведомое несчастье! Не знаю, что оплакивать, не понимаю, о чем горевать. Скорбеть ли о мертвом или о живом? О плененном или убитом? О терпящем горькое рабство или о перенесшем боль заклятия? Ведь в плену он легко подвержен всякому мучению и навлекает на себя наказания, даже сам того не желая, потому что решения выносит воля его господина. О ты, кто доселе делил со мной все в жизни, а пленение испытал в одиночестве – ты сопровождал меня в долгом путешествии, вместе

вкусил невзгод чужбины, был рядом в тяготах пустыни, подражая Исааку послушанием отцовской воле. И как же это последнее несчастье сделало тебя одиноким и ты в одиночку черпаешь бедствия плена? Зачем надо мной сжалились, и избежал я меча? Для чего рукой убийцы я тоже не был прибавлен к прочим мертвецам, но получил пощаду, чтобы испытать еще большие беды, лишенный скорого избавления и обретший долгую и мучительную скорбь о тебе?

«А так как я вижу, что вы мне сострадаете, – сказал я, – и чувствуете то же самое, что и сам претерпевший (а свидетельством тому для меня внимание, с каким вы слушаете, и частые вздыхания), я расскажу вам в подробностях все, что со мной случилось, без многословия, если у вас есть время слушать и какая-нибудь нужда не зовет вас на собственную потребу. Ибо повествование тяжело для озабоченной души, которая помышляет скорее о предмете своих хлопот, нежели о слушании».

Они же, видом и голосом показав, что недовольны вопросом, сказали: «И какое же времяпрепровождение предпочтительнее, чем излечить страждущее сердце и исчерпать скорбь мучающейся души? Ведь как туча теряет черноту, источая дождевые капли, и понемногу лишается мрачности, избавляясь от водяной мглы, так и душа облегчается от уныния, когда описывает собственные несчастья, как будто тягость уходит вместе с рассказом о скорбных событиях. Ведь страдание, о котором молчат, причиняет такую же боль, как жидкость в воспалившейся ране, когда гной постоянно давит, не находя выхода, через который он мог бы излиться». Итак, мне показалось, что они говорят верно, и вот с чего я начал свою повесть.

2

«Родились у меня, друзья, два сына, один тот, которого я здесь сижу и оплакиваю, и другой, оставшийся с матерью. И после того я прекратил супружеское общение, сочтя, что их будет достаточно для продолжения рода или для заботы о [нашей] старости. Ибо я рассуждал, что всякое разумное существо должно не предаваться наслаждениям до пресыщения и не злоупотреблять разрешением закона для поругания природы, но, послужив замыслу Творца, Который устроил брак не для утоления страсти, но для приумножения рода, скоро остановиться, чтобы когда позже увянет сила и позывы угаснут в естественном спокойствии старости, не приписывать себе подвиг целомудрия, достигнутый принуждением возраста, а не сознательным рвением. Ведь не воздвигает трофея тот, кто не воевал, и атлет не может хвалиться победой, если соревнование было отменено, и он не был повержен, потому что никто с ним не боролся. Нет, украшает борца разум, который властвует над вожделением в расцвете юности, когда оно жжет, когда пылают страсти, и который подавляет позыв, устремленный к супружескому общению, пусть даже законному, и тем свидетельствует, что обладает самодержавной властью. Влекло меня некое сильное вожделение к тем местам, где я теперь уничтожен, и мой разум был всецело открыт к безмолвию, не в состоянии видеть или помышлять что-либо другое, кроме него. Ведь когда любовь овладевает чьей-нибудь душою, она сильно отрывает ее от всего даже очень значительного и несет к предмету влечения, а та не отказывается и не думает ни о трудах, ни об усилиях, ни о бесчестье. Ибо все ревностно служит вожделению, охотно терпя тиранию и приветствуя ярмо повиновения, по добровольному и самонавязанному принуждению.

И вот, поскольку оно повелевало отправиться в путь, и невозможно было противостоять столь властному приказанию, взяв детей – а они были еще совсем маленькие –, я привел их к матери и одного отдал ей, а другого удержал у себя и сообщил о своем решении, и с суровым видом настаивал, что не дам себя переубедить. Она же, и раньше не привыкшая возражать, и тогда видя по моему лицу, что я не приму уговоров, хотя и не могла вынести удар и сдержать слезы, все же отпустила [нас] в дорогу, скорее уступив необходимости, нежели сознательно одобрив это дело. Ибо видя непреклонность решения и думая о боли разлуки, она, пренебрегая собственным горем, заботилась о том, что было угодно мне, и хотела быть побежденной там, где не могла бы победить даже при желании. А вы знаете, каково расставание единожды соединенных законной связью брака и ставших единым телом по неизреченному устроению Связавшего, – какую боль причиняет меч, рассекающий тело, такую же и расставание ставших единою плотью. Я же изумился тогда силе вожделения, когда увидел, что оно победило и естество, и длительную привязанность, и сколь оно велико, я догадывался по тому, что оно расторгло нерушимые узы, которые обыкновенно расторгает только смерть, нечувствием давая свободу от печалей. Для живых же чувства делают боль до поры невыносимой, напоминая о близости и душевной

склонности, если только вождение большего блага не притупит сразу остроту предшествующего. Вот это-то вождение и сделало меня любителем безмолвия и путеводительствовало к желанной пустыне, и на долгое время дало прекрасное расположение духа, и я наслаждался великим покоем и с попутным ветром правил прямо к цели, пока неизвестно как и откуда налетевший вихрь не поднял эту бурю, которая сокрушила мироносные суда святых тел. Сокрушила, но не потопила, разбила, но не отняла ничего из груза, ибо кормчие, взяв с собой всю торговую поклажу, повернули из моря на небо, оставив пиратам рассыпавшиеся доски».

«Но в чем причина убийства? – спросили они. – И так безупречно служившие Богу были преданы нечестивцам на погибель, став игралищем варварской руки, а сила провидения бездействовала, промолчав при такой трагедии, и не воспрепятствовала набегу, хотя могла бы, не поразила жестококрывных пришельцев слепотой², не иссушила незаконные десницы³, поднятые против преподобных, как, по рассказу Писания, часто происходило ради блаженных. Ведь и вавилоняне, некогда несправедливо пошедшие войной на Езекию⁴, вернулись ни с чем, причем и осажденным не смогли повредить, и многих потеряли из собственного войска, когда ко сну они отошли все в полном составе, а утром в живых оказалось очень небольшое число не имеющих сказать, как были убиты сто восемьдесят пять тысяч, и кто это сделал. Ибо такое избиение было делом одного ангела за одну ночь в тишине, и лежали снаряженные и вооруженные мертвецы, которых считали спящими, без раны от меча, но лишённые души, поистине умершие, но не имеющие следов умерщвления, предоставив своим товарищам долго недоумевать о случившемся. Ибо каждый толкал своего соседа, чтобы разбудить его, а тот был недвижим, звал – а тот оставался безгласен, осматривал тело – на нем не было ран, искал дыхание в ноздрях – и не было там искомого, пока солнце, засияв утром, не разъяснило происшедшее, цветом умерщвленных показав признаки смерти. И опять-таки, ассирияне, которые напали на Елисея⁵ и искали убить святого, и содомляне, приступившие к дому Лота из-за ангелов⁶, были поражены слепотою и преданы на посмешище и игралище тем, кого они искали, если бы те захотели поступить с ними дурно. Ведь одни пытались нащупать дверь, а другие шли, не зная, куда их ведут, имея вблизи то, за чем пришли, но как будто бы не в состоянии приблизиться к нему, наподобие больных и увечных, неся бесполезное вооружение, словно утратив или силу, или нужные для боя члены, потому что предводительствующее ими зрение либо совсем умерло, либо спало глубоким сном. И вот за одним безоружным следовало пленниками такое множество врагов, которых можно было бы легко погубить в обрывах и пропастях, если бы таковы были намерение и замысел поведыря. А спаслись они тогда, когда заботою пророка вновь обрели зрение и смогли разглядеть дорогу, ведущую на родину.

В другое же время, когда нечестивый царь разгневался на пророка, обличавшего беззаконие, и поднял на него вооруженную десницу⁷, рука с мечом была занесена, чтобы уличить стремление к убийству, но осталась иссохшей в поднятом виде, будто у статуи, которая не может принять иное положение, кроме того, какое ей с самого начала придать отливший ее мастер, дабы тело пророка не претерпело того, что несправедная рука намеревалась сделать, прислуживая незаконному гневу. Так как же погибшие теперь умерли без помощи, и воля убийц легко совершила свое дело, и они ниоткуда не встретили никакой помехи?»

«Что нужды теперь, – ответил я, – толковать о Провидении? Да и кто способен постичь суды Божии, чтобы в таких тяжких событиях показать праведность владычного домостроительства? Изнемогает в этом исследовании всякая человеческая мысль, побежденная безграничностью понимания, не находя разумной причины происходящему. Ведь и прежде случалось много такого, и умысел злых осуществлялся, когда справедливость до поры умалчивала о воздаянии за дерзость и удерживала отмщение, – конечно, потому, что судный час принимает на себя взыскание их. Ибо как Каин, позавидовав Авелю, благочестие которого было засвидетельствовано Богом, умертвил

² См. Быт. 19:11.

³ См. 3 Цар. 13:4.

⁴ См. 4 Цар. 19:35; Ис. 37:36. В Библии, однако, речь идет об ассириянах.

⁵ См. 4 Цар. 6:12 сл.

⁶ См. Быт. 19:10–11.

⁷ См. прим. 2.

его⁸, и родителей огорчив, которые никогда не видели мертвеца и совсем не ведали, что такое смерть, и Бога прогневав тем, что впервые осмелился на убийство; и уменьшил в новом творении род, только начавший возрастать, и не пожалел как брата того, с кем имел общее рождение и воспитание, и не захотел сохранить как утешение в безлюдье, хотя пришлось бы ему жить одному с родителями на таком пространстве земли – ведь тогда еще люди не были многочисленны, доставляя друг другу утешение своим множеством? А как Иезавель противозаконно приказала побить камнями Навуфея, не уступившего ей владение виноградником⁹? А как от одного Доикова меча пали триста шестьдесят священников¹⁰? Или как, опять-таки, в Иерусалиме, когда им овладели некие враги, было убито бесчисленное множество праведников, брошенных на съедение зверям и хищным птицам? Оплакивая их, говорил песнопевец: *Трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих зверям земным; пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их* (Пс. 78: 2–3). А как погибли сонмы пророков и апостолов по злоумышлению беззаконников, распиленные, зарезанные, жестоко побитые камнями, не только не сотворив ничего достойного смерти, но и всякий раз бывшие благодетелями своих убийц? Я уже не говорю о невинном возрасте младенцев, как одни при Фараоне были топимы в речных водах, осужденные на эту смерть из-за страха перед юношеством, которое бы из них выросло, а другие безжалостным образом истреблены мечом при Ироде¹¹, испытал смертную боль до того, как отвели жизненных усад, дабы не был незаметно вскормлен тот, в ком подозревали царя. И со всем этим примирился Судия, позволив беспрепятственно свершиться произволу гнусных убийц, – ибо Он установил им пределом воздаяния за содеянное день судный, и доселе долготерпит, храня до той поры взыскание за преступление закона.

Но затрагивать эти догматы, как я уже сказал, сейчас не время и не по моим силам, они и много времени требуют, и умелого языка, чтобы согласовать их так, как подобает Божией справедливости. Но я буду говорить то, что заставляет сказать мое горе, – может быть, мне станет лучше, и я облегчу немного невыносимую муку. Ибо я не могу вынести память, действие которой уже видел и испытал на себе. Не знаю, как я вытерпел то, напоминая о чем отторгаю как мучительное. Мне едва ли не противны мои глаза, как причина тех образов, на которые я принужден все время взирать, так что страдание постоянно язвит меня, ночью горько удручаемого сновидениями, а днем мыслями. Потому что, даже заснув, я не могу спать беззаботно, как многие, кого сонное оцепенение освобождает от дневных забот, – даже тогда меня смущает некое видение свершившегося и показывает образы только что убитых и бьющихся в агонии от свежей раны, что опять возобновляет боль.

Необходимо, однако, поскольку последовательность рассказа это позволяет, сначала описать жизнь обитающих в тех местах святых и сказать о том, как живут напавшие на них варвары, чтобы содержание истории имело надлежащую соразмерность и ничего не было пропущено из должествующего дойти до сведения любознательных слушателей. Ведь умолчание о том, что хочется узнать, доставляет огорчение (как и всегда досадно не достичь желаемого) до тех пор, пока знание не удовлетворит вождление.

3

Итак, названное племя кочует по пустыне, простирающейся от Аравии к египетскому Чермному морю и реке Иордану, никогда не занимаясь ни торговлей, ни земледелием, но добывая пропитание исключительно мечом. Ибо они или охотятся на зверей пустыни и живут, поедая их мясо, или кое-как восполняют необходимые потребности, грабя проходящих по тем дорогам, где они засели, – а если из-за недостатка и тех, и других у них истощаются припасы, тогда употребляют в пищу домашних животных (то есть беговых верблюдов), ведя зверовидную и плотоядную жизнь. Они режут одного верблюда на семью или становище (*κατὰ στυγερείας ἢ σικτηρίας*) и, размячлив на небольшом огне жесткость мяса, чтобы только оно поддавалось не слишком большому усилию, рвут его зубами, и так питаются, можно сказать, словно псы (*κυικῶς*), не ведая Бога ни умопостигаемого, ни рукотворного, но поклоняясь утренней звезде¹² и принося при ее восходе в жертву что

⁸ См. Быт. 4:8.

⁹ См. 3 Цар. 21:13.

¹⁰ См. 1 Цар. 22:18. По Библии, убитых священников было 85.

¹¹ См. Мф. 2:16.

¹² Богиня al-'Uzza', именуемая также *Kaukabta* (звезда) и *Beltit* (Владычица).

получше из добычи, когда от разбойничьего набега у них остается что-нибудь пригодное к закланию. Особенно они стараются приносить ей мальчиков, отличающихся красотой и цветущим возрастом, которых они закалывают на рассвете на собранной для этого куче камней. Вот это-то, друзья, и мучает меня сильно и смущает, как бы облик мальчика, имея нечто привлекательное и заманчивое для узаконенного у них нечестия, не стал бы полезен беззаконникам для их замыслов, и тело чистой души не стало бы жертвенным возношением за нечистых душегубцам-бесам, во искупление и очищение, как они думают, привыкнув беспощадно приносить человеческие жертвы и не ведая жалости к убиваемым детям, даже если те умоляют их, рыдая подобно сиренам. Если же нет мальчиков, они ставят на колени безупречную верблюдицу белой масти и трижды обходят ее всем множеством с пляской. А руководит этим обходом и песнью, которую они сложили в честь звезды, или кто-то из правителей, или из почтенных престарелых возрастом жрецов, и после третьего раза, когда толпа еще не кончила петь, но несет на языке последние слова песнопения, он, вытащив меч, сильно ударяет по шейному сухожилию и первый быстро отведывает крови. И тогда все остальные подбегают с мечами, и одни отсекают маленький кусок шкуры вместе с шерстью, другие хватают и отрезают что попадется из мяса, а третьи добираются и до потрохов и внутренностей, не оставляя от жертвы несъеденным ничего, что бы могло явиться взошедшему солнцу. Ибо они не воздерживаются даже от костей и мозгов, настойчивостью побеждая твердость и долгим старанием одолевая жесткость. Таков у варваров закон жизни и верований, и таким образом они, обитая в пустыне, переходят с места на место, устраивая стоянки там, где можно найти обильную траву для скота и много воды.

Ведущие же иноческую жизнь, выбрав немногие места в пустыне, где можно кое-как удовлетворить потребности тела ввиду изобилия воды, одни построили хижины, а другие ютятся в пещерах и гротах, и те немногие, кто может своим старанием принудить бесплодие пустыни производить хлеб, малой лопаткой обрабатывая небольшие и безрадостные поля, питаются пшеницей, сколько нужда заставляет потреблять для скудной жизни, – а большинство придерживается сырых овощей и древесных плодов, возлюбив простой и безыскусный стол, давно распрощавшись с ухищрениями поваров и хлебопек, чтобы не тратить много времени на обслуживание тела, пренебрегая более необходимым занятием, но почитать Божество чистым и трезвым умом, не отягощая разум пирами плоти и не улещая удовольствие чрева паром похлебок.

Ибо настолько усилилось ныне ненасытное чревоугодие, что принуждает служить вожделению и видом, и обонянием, и вкусом, путем втирания соков разнообразя разжигаемое наслаждение различными запахами, окраской и качествами. Ибо недостаточно охотникам до лакомств различия вкуса или непохожести запахов блюд, если и пестрота красок в подливах не притягивает и не возбуждает аппетит, прежде вкушения потчуж зрение золотистым, белым или более водянистым, чем чернила, оттенком. Ведь чтобы радовалось обоняние, следует подмешивать в подливы самые благоуханные ароматы, а чтобы и глотке было приятно, нужно для наслаждения смешать качества сладкого ипряного, терпкого и соленого. И зрение не должно остаться без удовольствия – для этого сафлор и рис, шафран и соковидные ореховые подливы и множество разных других красителей в живописном смешении образуют расцветку блюда, дабы отовсюду господин желудок имел общепризнанное совершенство стряпни, словно опытным судьям доверяя упомянутым чувствам, которые хорошо умеют оценивать подведомственные им ощущения.

Но не таково жителство вышесказанных людей и не к роскошеству устремлено – ведь они не только отказались от качества приятных вещей, высмеивая все, что за пределами необходимости, как суетное и бесполезное, но и в отношении большей части из оставшегося простирают рвение своего воздержания и на количество, принимая столько пищи, сколько нужно, чтобы не умереть против воли Жизнесподателя и не утратить плату за благие труды при жизни. Так вот, одни прикасаются к еде в воскресенье, весь недельный промежуток проводя без пищи, другие делят его пополам, устраивая трапезу дважды в неделю, а иные питаются через день, показывая допустимым усердием, что не нуждаются в еде, но повинуются законам природы, едва склоняясь к принуждению тела и тогда снисходя к его потребности, когда видят, что жизненная сила совершенно изнемогла и уже не может прислуживать подобающим добродетели трудам. Ибо каждый томится такою ревностью к ангельскому жителству, что в довольстве малым хочет подражать отсутствию потребностей и стремится победить недостаток природы преизбытком усердия.

Не в ходу у них и царская монета, поскольку им неведома и продажа с покупкой. Ибо каждый даром отдает другому потребное, получая взамен то, в чем сам нуждается, а потчуют они друг друга овощами, древесными плодами и малой толикой хлеба, выказывая

знаки любви с помощью того, что есть в наличии. Ведь любовь проявляется не в отличии вещества, но в великодушии душевного расположения, которое явственно выражает щедрость намерения даже в малых дарах. Но даже зависти, которой особенно свойственно следовать за успехами, никогда не было там места, и превосходство более блистательного в добре не подвигало менее славного завидовать ему, так же как и первого хвастовство не заставило превозноситься над другим, обманом внушив гордость своими достижениями. Ибо стоящий выше по преимуществам добродетели по своей воле остается скромнен, приписав все силе Божества, а не собственным трудам, не как совершитель благ, но как орудие действующей [в нем] благодати. А отстающий, быть может, из-за телесной слабости, смиряется даже против воли, полагая причиной бессилия не естественную немощь, но легковесность намерения.

Вот так они, один скромнее другого, и все вместе – всех в совокупности, стараются иметь превосходство не в самомнении, но в славной жизни. Ведь ради этого они, покинув обитаемый мир, живут в пустыне, являя свои свершения Богу, от Которого работники уповают получить воздаяние за труды, и не показывая дела свои в Боге людям, чьи похвалы имеют обыкновение портить и рвение, и вознаграждение, первое расслабляя безрассудством до небрежения, а второе уменьшая обманом восхваления. Ибо ищущий человеческой славы за свои деяния, получив искомую мзду, лишается истинной награды, не ожидая уже иной, которую разумно было бы требовать вместо той, что он достиг, продав за нее неустанные труды, побежденный человеческой славой и утративший славу вечную и истинную.

Живут же они не близко друг от друга, но обиталища их находятся на значительном расстоянии одно от другого, примерно в двадцати стадиях и более, не по человеконенавистничеству и звероподобию – разве это мыслимо при вышеописанном их отношении друг к другу? – но из желания в великом покое воспитывать нравы к тому, что угодно Богу, и старания неотрывно общаться с Богом, что в толпе и сутолоке или трудно, или невозможно, потому что беспокойство от соседей отвлекает мысль от напряженной сосредоточенности и заставляет вращаться вокруг неподобающих предметов, поскольку от длительного навыка она приучилась увлекаться скорее приятным, чем полезным. По воскресеньям же они идут на собрание в церковь и сходятся для еженедельного общения между собой, чтобы совершенная разлука не прервала со временем связь единомыслия, понемногу порождая забвение долга справедливости по отношению друг к другу. Ведь и нарочитое уединение обычно приводит к одичанию нрава, долгой привычкой отучая от любовной сопричастности и общительности. Посему они причащаются Божественных Таин и угощают друг друга упражнением в надлежащих речах, и умащают нравственными наставлениями. Ведь именно в них более всего нуждается для борьбы добродетельная жизнь, обнаруживающая тайные козни противника, чтобы ими не был уловлен кто-либо из несведущих в приемах схватки. Ибо у кого нет вещественной основы деяний, у тех грех пребывает в праздности в смысле действия, а все сражение происходит в разуме, где смерть наступает легко и неявно для видящих внешне, без свидетелей проистекая из решений нравственного выбора. Поэтому поднаторевшие в борьбе, воспитывая неопытных и только что приступивших к состязаниям, советуют противопоставить воздержание страсти чревоугодию. Ибо та мечет стрелы в душу, беря бешеное жало блуда, и испытывает силы еще состязающихся, все так же ли они стоят на площадке, твердо уперев голени, проворны ли в быстром перехватывании противника. Ведь уступающий удовольствию снеди оказывается легкой добычей для подчревных страстей, поражением в малом предзнаменуя большее падение. И так вот увещевают занятых еще детскими состязаниями те, кто старше и за долгое время в подвижничестве приобрел опыт борьбы и хорошо знает, как справиться с подобными уловками противника. Самим же себе и друг другу более совершенные воспевают тщеславие и гордыню, советуя беречься их, словно подводных камней поблизости от гавани, потому что это они после тягот плавания и сражений с волнами ввергают тех, кто не потерпел крушение среди треволений страстей и бурь нечистых помыслов, в последнюю гибельную опасность.

Ибо как попавшие в морскую бурю, боясь близких опасностей, принуждены бодрствовать и трезвиться из-за частых волн и грозных ветров, а возле гавани иногда в безветрии натываются на скрытые мели, расслабившись в беззаботности мысли, и у самого входа в порт выбрасывают сразу весь груз, не потерянный среди морских бурь, – так и не склонившиеся перед приступом искушений, но миновавшие их без ущерба благодаря подвижничеству и стойкости после победы часто полагаются на приобретенный благой навык или по неразумию с некоторой надменностью смотрят на тех, кто, по видимости, более небрежен, наподобие борцов, которые перед самым венцом и наградой терпят

трудновозвратимое и непоправимое падение, или моряков, выбросивших груз после того, как совершили долгое и страшное плавание, безвременно в один миг утратив понемногу и с трудом накопленное богатство, которых вдобавок к убыткам ожидают упреки в легкомыслии.

Ибо тщеславие, пожалуй, лишает платы за сделанное и делает работу бесполезной для тружеников, – а гордыня вместе с ущербом несет и великую опасность самомнения, уничтожая Помощника в добрых делах Бога и приписывая себе силу свершений. Посему о первых пророк говорит, что *зарабатывающий плату зарабатывает для дырявого кошелька* (Агг. 1:6), так что едва ее положат, как она выпадает и не задерживается в кошельке, но быстро высыпается мимо завязок¹³, потому что отверстие, через которое вываливается, шире того, в которое вкладывают. Ведь таково тщеславие – у него приобретение сопровождается утратой, поскольку одновременно с действием совершаемое сводится на нет из-за дурного направления ума. А Книга Притчей говорит по другому поводу: *«Гордым Бог противится»* (Прит. 3:34), противопоставляя Уничужденного уничижившим как врага и недоброжелателя.

Поэтому, размышляя о жителях той пустыни Моисее и Илии, они упражняются в скромности, свойственной тем, в чьей земле они обитают, и полагают справедливым подражать их добродетели. Ибо и Моисея величие его власти не подвигло к заносчивости, и Илию чудо с жертвоприношением¹⁴ не надмило до безумия, но оба они всегда и во всякое время сохраняли одно и то же состояние, не меняя образа мыслей вслед за переменой обстоятельств. В этом состоянии Моисей, избегая козней египтян и пастухов Иофоровых овец, стал зрителем того дивного видения, когда древесина куста предстала ему более сильной, чем всепожирающий огонь, а листва – цветущей посреди пламени¹⁵. Позднее же, ведя народ в обратный путь, он стал на этой горе законодателем¹⁶ для иудейского, а ныне и для всякого племени, потому что благодать через естественное родство перешла на весь род. Ибо законы жизни воссияли, поставленные на подсвечник, несмотря на то что некогда были скрыты под сосудом буквы, прежде чем наступило прояснение. А Илия пришел сюда, бежав от Иезавели, и, уснув на этой земле, наутро нашел печеную лепешку и кувшин воды (3 Цар. 19:6), и поселился в этой пещере, облачив тело в милоть, древнюю одежду праотцев, и увидел здесь Бога в тихом ветре (3 Цар. 19:12), и услышал глас, объявляющий узаконения. И вот первое и последнее свидетельство стойкости и терпения этих мужей: они всю жизнь живут в той самой пустыне, только проходя через которую израильтяне возроптали, питаясь готовой божественной¹⁷ пищей с неба и браня такой стол. Те не выдержали сорокадневного отсутствия своего предводителя и не смогли как должно распорядиться самовластием свободы, но быстро отпали, злоупотребив вольностью для нечестия¹⁸, – а эти все время любомудрствуют в безлудье, испытывая недостаток в необходимом, будучи сами для себя учителями благочестия.

4

Но на них, пребывающих в таком расположении и так служащих Божеству, внезапно, как неожиданная буря, откуда-то налетело варварское полчище, и ранним утром, сразу после окончания священных песнопений, напали на богочестивых беззаконные. Случилось быть там и мне вместе с сыном – ибо я спустился со Святой Горы, чтобы посетить святых у купины, как издавна имел обыкновение делать. И ворвавшись, словно бешеные псы, хватая и нечленораздельно вопя, они собрали то, что было приготовлено для зимнего пропитания (для этой цели высушивают и сберегают те съедобные древесные плоды, которые способны храниться), а нас самих, заставив таскать, вывели из церкви и, сняв с нас рубища, нагими построили в ряд для убийства старших по возрасту. Затем, став вокруг, они в ярости вытащили мечи, поводя по сторонам горящими глазами и, приказав вначале вытянуть шею священнику святого места, ударили не оба сразу (потому что около него стояли двое), но один за другим с обеих сторон рубанули его по спине мечами. А он не вскрикнул от боли и

¹³ Игра слов – ἀπόδεσμος здесь «кошелек» и δεσμός – «завязка».

¹⁴ См. 3 Цар. 18:36 сл.

¹⁵ См. Исх. 3:2.

¹⁶ См. Исх. 20:1 сл.

¹⁷ Букв. «амброзийной».

¹⁸ См. Исх. 24:18; 32:1 сл.

не повернул лицо, не показал и следа этой муки, но только перекрестился и прошептал губами: "Благословен Господь". И один удар пришелся от спины до щеки, разрубив ухо, а другой от плеча достиг груди. И так блаженный, слегка покачнувшись, упал в благолепной позе, не явив ничего безобразного ни от убийства, ни от наготы, но некая благодать цвела в его теле, скрывая некрасивость обнажения. А это святой почти что предрек накануне вечером и словом, и делом, угостив присутствовавших на ужине больше обычного и сказав: «Кто знает, соберемся ли мы все опять прежде смерти воедино на угощение и трапезу?».

Затем они взяли и убили жившего вместе со старцем, который тоже был стар и сильно истощен трудами подвижничества, и еще прислуживавшего им мальчика¹⁹ следующим образом. Один из варваров велел ему собрать какие-то рассыпавшиеся плоды, и он, в угоду приказавшему с усердием сел, вытянув подол руками и подбирая лежавшее, показывая, конечно, свое старание, чтобы понравиться, как способный к работе, думая этим купить жизнь, если окажется усердным. Но ничто не помогло и не смягчило варварскую свирепость, далекую от разумных соображений, к человечности помыслов. Ибо другой, встав сзади, стал тайком вынимать меч из ножен, и он, или услышав, как вытаскивают меч, или заподозрив гибель, будто напуганный шумом, чуть повернул назад смятенное от ужаса лицо, а стоявший рядом стал пугать его варварским криком и гримасами, и после этого, уперев меч между ключицами, с большой силой вогнал его вертикально от печеночных мускулов²⁰ в грудину, а тот, прежде чем оружие вытащили, рухнул мертвым, то ли еще раньше скончавшись от страха, то ли из-за разящего удара не успев осознать смерть, быстро извлечшую душу из сосудов тела и мгновенно освободившую ее от оков, из которых та с трудом выходит, связанная крепкими сплетениями.

А нас, остальных, они, не знаю из каких соображений, прогнали, жестами позволяя бегать, а они еще держали в руках окровавленные мечи. И одни побежали через расщелины, спеша достичь горы, ибо те не приближаются к ней, думая, что некогда на ней стоял Бог и вещал им, а я замер, онемев в безвыходном недоумении, и связанный нутром с отроком, не мог уйти и не желал спасения, скованный узами природы, пока мальчик, делая глазами знаки, чтобы я уходил, с трудом не убедил меня удалиться. И ноги мои шли вперед, а за ними вслед, непонятно как, двигалось все тело, сердце же не хотело уходить, часто заставляя лицо поворачиваться к мальчику, никак не в силах сосредоточиться на направлении взгляда, и было занято ходьбой, но жалостно обращено назад. Итак, и я двигался к горе, следуя за впереди идущими, и, посмотрев оттуда, увидел, как уводят несчастного отрока, который и сам не свободно оглядывался, но скрывал от увидевших его тайное обращение ко мне. Ибо такова связь природы – она не расторгается телесной разлукой, но еще сильнее укрепляется. Ведь когда у души нет близости предмета влечения, она еще больше разжигается, уводя к нему память и постоянно занимая ее целиком, не имея в наличии того, что могло бы удовлетворить вожделение. А каковы и сколь велики терзания разлучаемых таким образом, претерпевшие это знают по опыту, а не испытывавшие пусть научатся по примеру бессловесных тварей, которых сдает естественная и самопроизвольная власть сострадания детенышей к матерям и матерей к детенышам, при разлучении обличающая многими свидетельствами знаки любви в явных страданиях. Ведь уводимая корова мычит часто и скорбно, постоянно оглядываясь на отнятого теленка и выражением глаз крича о великой муке. Ибо поскольку природа не располагала другой частью тела у бессловесных, чтобы выразить владеющую ими страсть, она поместила свидетельства скорби в одних лишь глазах, словно бы заставив их в удручении кричать о состоянии, о котором по-иному возвестить нельзя. [Теленок] же, с трудом отрывааемый и сопротивляющийся насильственному уводу, то прибегает к вымени, будто к священному убежищу, и, поскольку не может руками, держится за него ртом, то носится кругами вокруг матери, беспорядочной бегом вопия о беде, потому что лишен слова, способного плачем поведать о страдании.

(Продолжение следует)

¹⁹ Возможен перевод «слугу».

²⁰ ἥπατικόν κρεμαστῆρος, т.е. мускулов, на которых держится печень.